

ФИЛОЛОГИЯ*(шифр научной специальности: 10.02.19)*

УДК 81

Е.С. Гайломазова*Ростовский институт**защиты предпринимателя**г. Ростов-на-Дону, Россия**elena.gailomazova@yandex.ru***ПРОБЛЕМА КВАНТИФИКАЦИИ «ВЕЩЕЙ»****[*Elena S. Gailomazova Problem of "things" quantification*]**

Both the general problem of quantification and many particular details of quantifiable characteristics have repeatedly been the object of linguistic study. A vast literature is devoted to various aspects of quantification of "things". Many researchers address this problem, trying to explain the features of the numerical paradigm of nouns. Names denoting objects quantification of which is difficult for some reason, have a defective numerical paradigm (used in the forms of only singular or plural only). Interestingly, quantification in this case refers exclusively to the account.

Key words: quantification, discrete set, cumulative, cognitive approach, pluralia tantum, countable nouns, uncountable nouns.

Счет может производиться только на дискретном множестве. Исходя из этого, в основу большинства классификаций, связанных с проблемой квантификации «вещей», кладется признак «дискретность» / «недискретность» обозначаемого объекта-множества. Так, в традиционных западных грамматиках принято делить существительные на два класса: исчисляемые (countable) и неисчисляемые (uncountable). Исчисляемые существительные обозначают дискретные объекты и имеют полную числовую парадигму.

Нередко квантификация объектов связывается также с категорией партитива: стакан чаю, много народу, и с семантикой кванторных слов: все люди, каждый человек и т. п. Такое понимание квантификации обусловлено значением самой категории числа, отражающей возможности квантификации-счета: один / два / три, но не квантификации-измерения: N-я часть / N частей. Параметр дискретность / недискретность означаемого лежит в основе предложен-

ного М. Крифкой разбиения объектов (и ситуаций) на кумулятивные и квантованные. Данный параметр «формализуется» с помощью пары сравнительно легко верифицируемых характеристик: 1) суммативность (сумма двух объектов, называемых водой, представляет собой воду, сумма двух объектов стол не является столом); 2) делимость (часть объекта вода – это та же вода, но часть стола столом уже не называется). Кумулятивный объект обладает обоими из этих свойств, квантованный – ни одним из них.

В ряде исследований параметр дискретность используется в комбинации с другими признаками означаемого объекта-множества. Именно М. Крифка вводит в лингвистическое употребление термины кумулятивность и квантованность. Свойства делимости и суммативности, однако, были известны задолго до него и активно использовались при анализе языкового материала. Многие исследователи, представляющие западную грамматическую традицию, используют при классификации существительных комбинацию признака дискретности с признаком аддитивности. В результате помимо исчисляемых и неисчисляемых имен в поле зрения лингвистов попадает класс существительных, обозначающих неаддитивные совокупности объектов, – *collective nouns* (мебель, стадо, стая, отара (овец), букет (цветов), человечество и т.п.). Одни исследователи при этом склонны фокусировать свое внимание на грамматических отличиях представителей данного класса как от исчисляемых, так и от неисчисляемых существительных, другие же доказывают когнитивную близость «коллективных» и «массовых» имен, противопоставляя их классу исчисляемых существительных. Так, по замечанию О. Есперсена, английские «коллективные» имена в разных ситуациях способны согласовываться с глаголами как единственного, так и множественного числа, что отражает двойственность их семантики (способность обозначать множества, представляющие собой «единства высшего порядка»); за неисчисляемыми (*mass*) именами, напротив, навсегда и совершенно произвольно закрепляется та или иная числовая характеристика, которая определяет их согласование с глаголом вне зависимости от обозначаемой ситуации. Х. Визе и М. Пинянго, используя метод психолингвистического эксперимента, напротив, доказывают, что наше восприятие фактически не отличает такие сущности, как скотина и мебель от объектов типа баранина.

С точки зрения интересующей нас проблематики? любопытна также классификация существительных, предложенная в самом начале прошлого века А. Нореином и пересказанная О. Есперсеном. Отделяя абстрактные объекты от неабстрактных, А. Нореин разбивает множество последних на основании достаточно большого количества признаков. неделимыми считаются исключительно единичные объекты (человек, дерево, Стокгольм), признак дискретности к ним не применим, в дальнейшем они характеризуются лишь с точки зрения референциального статуса («*dividua*» ~ «родовой» или «универсальный» и, напротив, «*individua*» ~ «конкретно-референтный»). «Делимые» (множественные) объекты могут быть дискретными («собирательными») или недискретными («вещественными»). Нетривиальным кажется предлагаемое разбиение множества «собирательных» (делимых и дискретных) объектов-множеств в соответствии с типом ограничивающего их квантора: «собирательно-тотальные» (ограниченные квантором всеобщности) и «собирательно-плюральные» (ограниченные квантором существования). Последние, в свою очередь, делятся по признаку «гомогенность» («однородность»).

Представители традиционной русистики, в отличие от своих западных коллег, создают классификации существительных, связанные с категорией числа, практически не используя (по крайней мере, эксплицитно) обсуждавшийся выше параметр «дискретность» («естественная членимость», «делимость») обозначаемого объекта. В основу классификаций они кладут такой признак как принадлежность объекта квантификации к определенному таксономическому классу. Так, В. В. Виноградов, утверждая, что числовое поведение существительных во многом определяется их семантикой, выделяет среди имен с дефектной числовой парадигмой существительные *singularia tantum*, обозначающие совокупность лиц, предметов, мыслимых как коллективное или собирательное единство, как одно неделимое целое (солдатня, мебель); вещество или материал (вода, свинец, мясо); овощи, злаки, произрастания, ягоды (репа, морковь, картофель, малина, крыжовник, овес, сено, зелень и т. п.) и др., а среди имен *pluralia tantum* – названия парных и сложных предметов и действий (штаны, бусы, хлопоты), игр (жмурки, прятки), праздников и обрядовых действий (крестины, поминки), мест и промежутков времени (зады, Бронницы, сутки), отбросов и остатков (объедки, выжимки) и мн. др.

В. В. Виноградов представил классификацию, различающую имена конкретных объектов, поддающихся счету, – абстрактные обозначения свойств, действий, состояний и т.п. – имена веществ и материалов – имена совокупностей лиц или предметов, мыслимых как единое целое, а также «собственные» имена, обозначающие объект как единственный в своем роде.

Были предприняты попытки классификации имен, призванные объяснить особенности их числовой парадигмы, практически игнорируя план содержания. Наиболее известное исследование такого типа принадлежит А. К. Поливановой [1]. В данной работе на материале названий плодов доказывалось существование сингулярно- и плюрално-ориентированных имен (репа и огурцы). Первые при обозначении квантифицируемого множества принимают формы единственного, вторые – множественного числа. Пренебрегая планом содержания, А.К. Поливанова при этом уделяет огромное внимание поиску диагностических контекстов, в которых проявляются формальные свойства изучаемых существительных.

Компромиссное решение рассматриваемой проблемы представлено в исследованиях, представляющих когнитивную лингвистическую парадигму. Авторы проводят многофакторный анализ числового поведения существительных в разных языках. Дефектность числовой парадигмы существительного воспринимается как следствие сложных комбинаций причин семантико-прагматической природы. Основная идея рассматриваемого подхода может быть сформулирована следующим образом. В прототипическом случае существительные обозначают конкретные объекты окружающего мира («абстрактные» имена типа счастье, бег, красота обычно метафорически уподобляются «конкретным»). Воспринимая эти объекты, мы относим каждый из них к некоторому таксономическому классу.

Практически любой объект окружающего мира мы считаем способным (или даже предназначенным) для выполнения тех или иных функций (употребляться в пищу, согреть или украшать тело и т.п.).

Всякий объект имеет свойства, позволяющие ему выполнять эти функции (форма, размер, структура, местонахождение и т.п.) и/или быть использованным тем или иным способом (быть нарезанным, совмещаться с другими объектами и т.п.). При объяснении грамматических характеристик (в том числе и особенностей числовой парадигмы) имен существительных каждый из перечисленных признаков может оказаться релевантным.

Так, А. Вежбицкая [2] выделяет четырнадцать классов имен, у которых числовое поведение определяется разными комбинациями указанных признаков. Имена *singularia tantum* могут обозначать: а) «гомогенные субстанции (масло, вино, вода и т. д.)», б) «сущностей с мельчайшими (*minimal*) составляющими (рис, песок и т. д.)» или в) «гетерогенные классы вещей (мебель, *cutlery* и т. д.)». Преимущественно формы единственного числа принимают имена «больших коллекций маленьких вещей, о которых обычно думают, как о слишком больших, чтобы их пересчитывать (*hair*, клевер и т. д.)». Дефектность парадигмы существительных *pluralia tantum* может определяться их способностью обозначать: а) «субстанции, состоящие из частиц, которых не слишком много, чтобы их можно было посчитать, но слишком много, чтобы кто-нибудь захотел это делать (*pats*, *curds*, *coffee-grounds* и т. д.)», б) «места, «протяженные (*stretched out*), но не имеющие четкой внутренней структуры (*internal boundaries*) (*plains*, *steppes*, *woodlands* и т. д.)», в) «множественные объекты, расположенные в определенном месте (*fixed in place*) (*stairs*, *catacombs*, *bleachers*, внутренности и т. д.)», г) «группы объектов и/или субстанций (*stuffs*) (*leftovers*, *groceries* и т. д.)». Также имена *pluralia tantum* могут обозначать парные предметы (напр., ножницы). Преимущественно во множественном числе употребляются имена «небольших (*small*) коллекций маленьких вещей, которые можно посчитать, но в нормальной ситуации не считают (макароны, *peas* и т. д.)». Полную числовую парадигму имеют существительные, обозначающие неделимые индивидуальные объекты (бутылка, стул, книга и т. д.). Чаще всего имеют полную числовую парадигму и имена, обозначающие «делимые (съедобные) индивидуальные объекты (яблоки, яйца и т. д.)». Последние, однако, могут в ряде контекстов принимать парадигму *singularia tantum*, уподобляясь именам неделимых субстанций типа вода. Также в работе рассматривается класс существительных «с двойным статусом», у которых одна лексема оказывается исчисляемой, а другая нет. Такие существительные обозначают «твердые субстанции, которые могут встречаться в форме индивидуальных (*chocolate*, *sake*, камень и т. д.). Наконец, А. Вежбицкая говорит о существовании группы псевдо-исчисляемых имен, называющих гетерогенные классы субстанций и вещей, которые можно нарубить (*choppable things*) (*vegetables*, *narcotics*, *cosmetics*, etc.).

Предлагаемые сторонниками когнитивного подхода разбиения множества существительных, с одной стороны, позволяют объяснить большое количество трудных случаев дефектности числовой парадигмы, но с другой – они вряд ли покрывают все такие случаи. В самом деле, использование большого количества разнородных параметров, многие из которых принимают фактически бесконечное множество значений, делает «классификацию» в той или иной мере импрессионистической. На основании такого рода параметров трудно или вообще невозможно построить исчисление.

Как кажется, классификация имен/объектов, релевантная с точки зрения квантификации, должна строиться независимо от того, какими языковыми средствами кодируется сама квантификация, в частности, от особенностей числовой парадигмы существительных, обозначающих эти объекты. В самом деле, грамматическое число не единственное и, может быть, не основное проявление семантического феномена квантифицируемости и неквантифицируемости; это не причина, а следствие, причем одно из возможных. Более того, в разных языках имена, имеющие один и тот же денотат, могут характеризоваться различными числовыми парадигмами. Наконец, часто бывает трудно судить о дефектности / недефектности числовой парадигмы имени. Стандартные значения SG – PL встречаются не так часто, как хотелось бы; у большого числа имен одна из числовых форм имеет нестандартные значения, каталогизация которых составляет особую задачу. Более того, одно и то же имя, по-видимому, может выражать несколько частных значений одного и того же числа. Таким образом, основывая классификацию на особенностях числовой парадигмы, мы неизбежно обрекаем себя на работу с достаточно сложной и запутанной системой параметров.

Напротив, представляются весьма плодотворными предложения А.Е. Кибрика, М. Крипки и др. отталкиваться при классификации не от плана выражения – формальных свойств соответствующих лексических единиц, а от плана содержания – сигнификативных характеристик обозначаемого объекта (формы, мерологических характеристик, типа функционирования и проч.)

Поскольку предлагаемая ниже классификация основывается на сигнификативных характеристиках единиц языка, означаемые таких единиц, как люди, народ, толпа будут считаться разными объектами. Более того, разными объектами признаются и означаемые SG- и PL-словоформ одной

и той же лексемы. Взяв за основу план содержания лексических единиц, хочется, следуя примеру А.К. Поливановой, найти такие диагностические контексты, которые бы четко отражали эти содержательные особенности. В качестве такого контекста удобно использовать вопросительное высказывание с интеррогативом сколько.

Наконец, хотелось бы упорядочить систему параметров классификации так, чтобы получить в результате исчисление множества возможных денотатов имен существительных.

Опираясь на идеи М. Крипки и его предшественников (понятия кумулятивности и квантованности) и понятие потенциальной квантифицируемости (проявляющееся, в частности, в способности соответствующего имени употребляться в контексте сколько-вопроса), получаем следующий список интуитивно понятных параметров классификации, релевантной с точки зрения квантификации объектов: «квантифицируемость», «делимость на элементы» и «аддитивность».

На основании этих параметров удастся выделить такие классы объектов, как: «множества», «массы» (дискретные и недискретные), «коллективы» (квантифицируемые и неквантифицируемые) и «единицы». Интересно, что объекты, попадающие в полученном разбиении в один класс, обладают общими «когнитивно релевантными свойствами».

«Единицами» будем называть такие целостные объекты, делить которые на части и, тем более, на элементы в нормальных условиях никому не придет в голову. «Единицы» практически не поддаются квантификации-счету. Для «единиц» такая возможность исключена, по определению: они представляют собой универсум, тождественный единственному объекту. Имея четкие естественные границы, имена «единиц», в отличие от названий «масс», легко сочетаются с «дробными» числительными типа пол-, пол-яблока и полводы. Употребление «единиц» в вопросно-ответном диалоге, предполагающем квантификацию-измерение, однако, сталкивается с определенными трудностями.

«Множества» есть не что иное, как множества объектов, относящихся к классу «единиц». «Множества» представляют собой прототипические квантифицируемые объекты, так же как «единицы» – прототипические объекты, не поддающиеся квантификации. «Массы» – объекты, по признаку квантифицируемости напоминающие «множества», но отличающиеся от них по при-

знаку дискретности. Прототипические «массы» абсолютно недискретны. Как правило, это жидкие и газообразные субстанции или сыпучие вещества с очень мелкими, не доступными восприятию квантами (вода, пюре, сметана; воздух; мука, пудра, зола...). Чтобы выделить часть «массы», необходимо искусственным образом ограничить ее.

«Единицы» следует отличать от одноэлементных множеств, представляющих собой один из возможных результатов выбора количественной составляющей ответной ИГ. Ср.: а) - ...Я миллионер... - Сколько же у вас миллионов? ... - Один, - сказал Остап, бледный от гордости (И. Ильф, Е. Петров); б) - И много рыбы наловил? - Да вон, одного щуренка: не клюет сегодня. Так, в контексте (а) речь идет не об объекте – «единице» миллион, а о «множестве» миллионы, мощность которого в данном случае равна «1»; в контексте (б) речь идет о дискретной массе рыба, единицей измерения которой в данном случае оказывается объект щуренок, а количественным значением – Т.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Поливанова А.К.* Выбор числовых форм существительных в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1981. М.: Наука, 1983.
2. *Wierzbicka A.* The semantics of grammar. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins B.V., 1988.

R E F E R E N C E S

1. *Polivanova A.K.* The choice of numerical forms of nouns in the Russian language // Problems of structural linguistics 1981. M., 1983.
2. *Wierzbicka A.* The semantics of grammar. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins B.V., 1988.

19 ноября 2019 г.